

Феликс Кохрихт

О себе и о нас

Леонид Авербух
Видел, слышал, знал
Одесса, Optimum, 2014

Мы – это те, кого политики в пафосных выступлениях перед выборами разного толка нарекли «детьми войны». Нынче о нас и не вспоминают, но я вовсе не хлопочу о внимании и льготах, хотя понимаю, что для многих из нас они жизненно необходимы.

Признаюсь, давно уже даже и не размышляю об этой дефиниции поколения тех, кому суждено было прожить детство и отрочество с 22 июня 1941 и по 9 мая

1945 года. Поводом не только вспомнить свой статус, но и заново пережить многое из своей жизни во время и после войны стала книга Леонида Авербуха «Видел, слышал, знал». Я бы подкорректировал его: «...знал и знаю», ибо мой давний товарищ ни на секунду не отрывается от активной жизни и познания – уверен, уже пишутся новые страницы. Впрочем, мой многолетний опыт редактора неприменим к труду Леонида Григорьевича: его мемуары не укладываются в привыч-

ные для этого жанра рамки повествования, приглашающего читателя к неспешному чтению.

В полном соответствии со своим способом жизни и общения с окружающими автор пишет о том, что его волнует в данный момент, отталкиваясь не от намеченного плана изложения материала, а от нахлынувших ассоциаций, событий дня и часа, даже от мелодии, звучащей в текущий момент. И в этом для меня особая привлекательность: смена тем и сюжетов не позволяет отвлечься или даже заскучать над книгой – ведь не приключенческий роман мы читаем, а мемуары, хотя и врача, но, должен отметить, весьма целомудренные и тактичные...

И все же для меня и, уверен, многих общих с Леной знакомых главным является уникальность наших общих воспоминаний – коллективных и в советском, и в фрейдистском смыслах (сознательных и бессознательных). Я не могу вслед за Бабелем сказать: «Нас волновали одинаковые страсти...». То есть они – страсти – посещали мемуариста и автора этих строк, но в разные годы и в соответствии с изменявшимся временем. В начале войны Леня Авербух был школьником, я – почти младенцем. Весной 1941 года, когда мама вывозила меня в коляске в начало Торговой, чтобы подышать если не морским, то портовым воздухом, Ленчик (по его признаниям) в свои 11 лет уже симпатизировал одноклассникам по школе № 37. Соответственно, я знаю о том, как меня выносили из осажденной Одессы из рассказов родителей, а Леня посвятил началу войны и эвакуации отдельную главу своей книги. Чего стоит, к примеру, воспоминание о том, как он с женским составом семьи (отец Григорий Львович погиб, обороняя Севастополь) ждал парохода на Сталинградской пристани...

И так продолжалось десятилетиями: мы родились и жили по соседству (Софиевская, Преображенская, Садовая и т. д.), а далее – он уже был известным врачом, а я в это время учился медицине и даже работал какое-то время в ней. Мы ходили на одни концерты и спектакли, дружили с одними и теми же людьми, бывали в их домах, но в разные годы. Пришло время – и мы встретились и подружились, чем я горжусь как одессит в пятом поколении, полный пиетета перед тем, у кого

за плечами их шесть, а то и семь, если считать турецкий период истории города.

В конце книги – сложенная гармошкой родословная Зальцбергов-Авербухов, плод многолетнего и кропотливого труда Леонида Григорьевича. Она сделала бы честь главному геральдмейстеру британской короны: видно, кто кого и от кого когда и где родил и кто с кем породнился. Кроме того, он создал музей Одесского областного тубдиспансера и видеопанораму, позволяющую всем желающим знакомиться с уникальными экспонатами.

При таких предках и при уникальном умении заводить контакты Леонид Григорьевич стал убежденным сторонником теории шести рукопожатий, согласно которой практически каждый может выстроить цепочку от своих знакомых – и дальше, что в конце концов приводит к виртуальному рукопожатию с мировыми знаменитостями. У Авербуха это получается всего в три приема: к примеру, с Шаляпиным, Лениным, Биллом Клинтонем и даже с королевой Елизаветой, единственной живущей среди упомянутых культовых фигур. Через нас он познакомился с императором Александром Первым: предок моей жены Татьяны декабрист Завалишин был у него на аудиенции, а арестован был в доме Александра Грибоедова – от него недалеко до Александра Пушкина и грузинской царицы Тамары...

Хотя я и моложе Леонида Григорьевича, но, признаюсь, многое позабыл, каюсь – имена-отчества-фамилии учителей, соучеников, руководителей кружков, тренеров, соседей, Он помнит всех – и каждый в его воспоминаниях предстает не просто одним из многих, а как личность, обладающая особенностями характера, а то и яркой и значительной, причем с разными знаками, достойной и сегодняшнего «оживления»... Лишь народный наш артист Олег Школьник способен на такое – но он моложе не только доктора Авербуха, но и меня.

Садясь за эти заметки, я даже составил алфавитный список тех, с кем нас сводила судьба, – велико было желание не только назвать громкие и славные имена, но и процитировать истории, рассказанные о них автором мемуаров, а они, при-

Леня с мамой. 1946 год

знаюсь, в чем-то обогатили мои представления о многих общих знакомых... Но я преодолел соблазн, осознав, что рискую пуститься в собственные воспоминания, которые поблекнут в сравнении с трудом доктора Авербуха, создавшего свой стиль, в котором удивительным образом сочетаются историзм и байки, пафос и юмор, «любовь к отеческим гробам» и принципиальный, хотя зачастую и не по возрасту пылкий взгляд на сложные и неоднозначные события в политической и общественной жизни.

А сейчас – то, о чем обычно рецензенты пишут в самом начале своих заметок, но поскольку свои мемуары Леонид Григорьевич, по собственному признанию, писал как Бог на душу положит, я позволю себе последовать за ним. Итак.

В Одесском областном противотуберкулезном диспансере Л.Г. Авербух и его мать рентгенолог Мальвина Григорьевна Зальцберг в общей сложности проработали 86 лет. Леонид Григорьевич – заслуженный врач Украины, кандидат медицинских наук, обрел международное признание за активную и принципиальную деятельность в области борьбы с туберкулезом. Он человек разносторонний – автор книг не только по специальности, но и по истории разведки, краеведению («Одессика»).

Наш Леня любим многими, и в первую очередь членами клуба «Беседа» при клубе же – Всемирном – одесситов. В альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» мы печатаем не только его содержательные статьи, но и смешные и грустные поучительные сентенции в стихах – «лёнчики». Одним из них я и закончу эти

заметки, тем более что этот «ленчик» стал (наряду со строчками Иосифа Бродского и Даниила Хармса!) эпиграфом к мемуарам, насчитывающим нивроку 551 страницу:

Жизнь мелькнула – только и всего...
Много пережито или мало –
В жизни просто не было того,
Что воспоминанием не стало...

